

Врезка:

Марина Евгеньевна Голубева, врач-гематолог высшей категории, заведующая гематологическим отделением КМСЧ №1. Закончила Пермский государственный медицинский институт по специальности «лечебное дело». В течение долгого срока являлась главным гематологом Управления здравоохранения г. Перми.

Победитель краевого конкурса «Лучший врач года-2009».

Врезка:

Гематология – одна из наиболее динамично развивающихся и молодых отраслей медицины, занимающаяся заболеваниями системы крови. Название дисциплины образовано от греческих слов «гемос» (кровь) и «логос» (учение). Основная задача гематологии – изучение строения и функционирования органов кроветворения, клеток крови в различных состояниях и при различных заболеваниях.

В Перми гематологическая служба была образована в 1961 году, когда появился первый узкий специалист, начавший амбулаторный прием пациентов. На данный момент, помимо амбулаторного лечения, в городе функционирует при КМСЧ №1 гематологическое отделение на 40 коек.

Портретный очерк

Жемчуг для Марины

За что люди так любят жемчуг? Невечный в отличие от алмазов и рубинов, подверженный воздействию окружающей среды, смертный, как и мы – жемчуг ценился римскими патрициями выше изумрудов, уступая в цене лишь бриллиантам. За нитку матово сияющих бусин платили чистым золотом, отдавая втридорога, подрывая бюджет не только личный, но подчас и государства. Древние верили: жемчуг – застывшие слезы морских богинь, Божья роса, упавшая в раскрытые океанские раковины и превратившаяся в драгоценный камень. Живой камень, способный не только поддерживать и оберегать человека, но и излечивать у него самые тяжкие недуги – болезни крови.

Поразительно, но заведующая отделением гематологии МСЧ № 1 Марина Евгеньевна Голубева действительно похожа на жемчужину – нежную, изящную, полную тихого света и сдержанной силы. Ее профессия понятна, по счастью, немногим: гематолог – врач, занимающийся заболеваниями системы крови. А если проще – тот, кто борется с абсолютно непобедимыми еще недавно лейкозами, миеломами, анемией, гемофилией и прочими. И – побеждает.

Февраль. Понедельник. Восемь часов утра. Верхушки деревьев со скрипом размазывают по замерзшему небу железную синеву лазури. Облака медленно, нехотя вбирают в себя холодные лучи солнца. Из больничного окна сонно выглядывают разнежившиеся за ночь комнатные цветы. Разбуженные вспыхнувшим в кабинете светом лампы они неторопливо просыпаются и с детским любопытством смотрят на спешащие за стеклом фигурки людей. Сонно гудит компьютер, разгоняясь до привычной скорости.

А стопка бумаг, скопившихся за выходные на столе заведующей, тает медленно. Каждый листок – набор печатных и рукописных символов. Каждый листок – чья-то жизнь. Жизнь, которая может состояться на долгие десятилетия или разом оборваться – прямо сегодня, прямо сейчас. Коварство болезней крови велико: таясь и прячась, они могут жить в нас годами, не проявляя себя. И вдруг разом, сбросив маскировку, выйти на первый план, в момент изменяя жизнь, в секунду заставляя переоценить летящую хрупкость бытия.

Марина Евгеньевна вносит записи в документы, в ежедневник, планируя день и неделю. Жемчуг в круглой рамке кольца мягко отсвечивает, соглашаясь с решениями. Работа монотонна лишь внешне: истинный накал страстей скрыт за сдержанным выражением лица, идеально уложенными локонами.

- Работа гематолога невозможна без куража, - сказала однажды Марина Евгеньевна студентам-старшекурсникам, пришедшим в отделение на практику. И объяснила им, изумленным столь странным на первый взгляд сравнением – Здесь, как у следователя, миллион открытий, требующих не только внимания и ума, но и смелости, дерзости мышления.

Как получилось, что миловидная, хрупкая женщина с огромными янтарными глазами выбрала такое специфичное направление? Сказалась ли в этом выборе профессия мамы – юриста, всю жизнь, трудившуюся гособвинителем и посвятившую жизнь служению законодательству? Что же, вполне может быть: дочери с самого детства приходилось соблюдать неписанные правила, избегать многих типичных для подростков ошибок, дабы

не подводить маму, не создавать ей лишних проблем и тем самым воспитывать в себе характер стойкий, выдержанный и вместе с тем полный искреннего жизнелюбия и стремления к справедливости.

Марина Евгеньевна наконец-то заканчивает раскладывать бумаги, выдавая попутно готовые документы и рекомендации врачам, через каждые несколько минут сменяющим друг друга у стола заведующей.

Восемь часов тридцать минут. Робкий стук в дверь. Первый на сегодня пациент: ранний приход в отделение позволяет, не теряя времени, пока параллельно идет оформление документов, пройти исследование и уже в первые сутки получить картину состояния здоровья. Завотделением консультирует, объясняет, направляет, контролирует, не повышая голоса,

Наверное, это очень непросто брать ответственность за жизнь в тот момент, когда человек подавлен и растерян, когда мир, кажется, рухнул и никогда не восстановится заново. Что это – призвание, быть тем, кто способен без лишних слов, сочувствий, экивоков и жесткости одним движением направить на путь жизни, дать в руки горсть оптимизма?

Марина Евгеньевна на секунду отводит взгляд к окну и среди заснеженных тополей вдруг возникает орлятский круг – круг друзей, когда-то – в теперь уже далекой – комсомольской юности, вставший со звенящими песнями посреди комсомольской площади. Именно так – распахнув объятия товарищам и перегородив движение прохожим – стояли они тогда под обжигающим июньским солнцем, под взлетающим с мелодией полуденным ветром, среди обходящих их с разных сторон, смеющихся или ворчащих прохожих. И не было ничего сильнее дружеского оплота, и не было ничего честнее комсомольской поддержки.

И это было нормально: если у кого-то из комсомольцев района случалась проблема, не ладились дела, прийти – вот, к незнакомому, и помочь, взять на себя ответственность. Учеба ли, конфликт с приятелями или дурная компания: если человек не справляется сам, значит, кто-то должен взять на себя смелость и решимость помочь, считали они тогда в районном комсомольском штабе Свердловского района. Может быть, поэтому и сейчас, когда нам все больше навязываются закон дикой стаи «каждый сам для себя», для Марины Евгеньевны также естественно быть не только за себя, но и за кого-то другого...

Девять часов утра. Линейка – ежедневное мероприятие больничных будней, на котором собираются отдежурившие врачи, медсестры, заведующие отделениями и начальник медицинской части для отчета по прошедшим суткам. Кто-то из дежурентов после тяжелой ночи еле идет, кто-то бодро бежит: видимо, удалось поспать часа четыре – большая удача. Марина Евгеньевна идет прямой легкой походкой, приветствуя коллег через каждые несколько шагов.

Белые халаты здороваются, смеются, рассаживаются на белые стулья актового зала. Отделения обмениваются новостями. Разговоры затихают с приходом начмеда, объявляющего начало утренней линейки. И хотя сегодня в гематологии дежурила не заведующая, Марина Евгеньевна выходит вперед. Поставленный голос, четко проговариваемые слова: нельзя быть вежливым два раза в неделю. Тебя должно быть слышно каждому, чтобы окружающим не пришлось тратить лишние усилия в своей жизни еще на такую мелочь, как разбор чужой речи. И аккуратность даже в такой мелочи – тоже жизненный принцип.

...когда совсем, окончательно накатывает усталость, когда почти не остается ресурса жизненной энергии, столь необходимой больным в отделении, она уезжает в далекие края – туда, где солнце нагревает море уже ранним утром. Туда, где свет начинается раньше, чем кончается ночь. Но даже там, в другом пространстве, она остается верной себе. И своим близким.

- Я привезла тебе маленький сувенир, - позвонила после поездки Марина Евгеньевна своей давней подруге – Наталье Анатольевне Курдиной, директору школы № 9. – А что – не скажу. Сюрприз.

И при встрече достала из сумки небольшой пакет, где вместо стандартных магнитов, значков и кружек лежал заветный для всей девятой школы крохотный лист дерева – лист гинкго-билоба, выбранный школьниками в качестве школьного символа. Гинкго-билоба – единственное реликтовое растение класса Гинкговых, произраставших еще в Пермском периоде, 250 миллионов лет назад. А в дополнение к трепетному листочку, потрясшему в свое время неповторимо двойственно-единой формой великого Гёте, – буклет, в котором не только сфотографировано место произрастания, но и сам сад, и само дерево, аккуратной тонкой стрелочкой отмеченное на фотографии.

Десять утра. Марина Евгеньевна заходит в процедурную, где ее уже ждут: вчера не удалось сделать стерильную пункцию одной из пациенток.

Стерильная пункция – одна из разновидностей исследований, необходимых при многих заболеваниях системы крови. Процедура не только весьма неприятная – врач вводит

шприц непосредственно в стенку грудины и берет образец костного мозга, но и требующая мастерства от врача, точности в расчете каждого движения.

- Не волнуйтесь, - ровным голосом произносит заведующей, надевая перчатки; блеск жемчуга скрывается под молочной белизной резины. – Это быстро и несложно.

И пациентка, в напряжении не находившая себе места, опускается на кушетку. Спокойствие доктора – тоже в какой-то степени лекарственный препарат, помогающий пережить болезненные манипуляции и не менее болезненное состояние.

Четким единственным движением Марина Евгеньевна вводит иглу, фиксирует, подсоединяет шприц и без лишнего слова, жеста берет пробу. Кровь медленно поднимается от иглы, заполняет часть прозрачного цилиндра.

- Всё, всё, уже всё, - успокаивает Марина Евгеньевна пациентку, ни на йоту не изменяя выдержанность интонации. – Теперь всё будет хорошо.

Медсестра забирает шприц, и заведующей уходит в свой кабинет, у дверей которого уже ждут врачи.

Десять часов 30 минут. Марина Евгеньевна идет по палатам с обходом. Никаких журналов, записей, медицинских карт, помнит каждого: от анализов до назначенных лекарств и количества курсов. Помещения сменяются одно за другим, и только глаза пациентов остаются неизменными, встречающими и провожающими заведующей.

- Знаете, результаты у вас в этот раз уже очень хорошие, - успокаивает одну из больных Марина Евгеньевна. – Вы напрасно волновались, сейчас такие уникальные препараты, такие новейшие разработки, живи да живи.

Марина Евгеньевна разговаривает без всякого напряжения, как при встрече со старыми знакомыми. Пациентка кивает, почти незаметный вздох облегчения открывается в улыбке. Заведующей улыбается в ответ, и рука, выражающая поддержку пациентке в оптимистическом настрое, взлетает вверх, сопровождаемая жемчужным мерцанием перламутра.

- Нужно верить в себя. Борься и верить, - взгляд Марины Евгеньевны становится строже, требовательнее. – Если человек сдастся, то и помочь ему крайне сложно. Настройся на оптимизм – и лечение пойдет намного успешнее. Нас так учили, так я понимаю для себя, так знаю по опыту. Сейчас и с острым лейкозом живут десятилетиями, и в 86 лет ведут активный образ жизни. Диагноз – не приговор, приговор мы выносим себе сами, когда отчаиваемся и опускаем руки.

Одиннадцать утра. Время консультаций всегда связано с эмоциями. Родственники, пациенты, которые периодически проходят лечение в отделении, и пациенты, которым только предстоит госпитализация, приходят к кабинету заведующей отделением, терпеливо ждут. Ломанные жесты, задумчивые лица, тихие тревожные разговоры: стоит повернуть хромированную ручку двери, и надежды заалелеют расцветной надеждой или – рассыплются желто-ржавым тленом.

Девушка в сером джемпере теребит в руках пластиковые папки-файлы: она пришла с результатами исследований мамы. Слушает внимательно, но слова Марины Евгеньевны ускользают, растворяются в тумане слез, помимо воли бегущих по щекам – нет ничего тяжелее собственного бессилия, нет ничего горше беды, случившейся с родными. С каждым посетителем Марине Евгеньевне приходится работать не только как гематолог, но и как психотерапевт, настраивая пациентов на лечение и силы, а близких – на терпение и поддержку. Нужно дать человеку выпустить эмоции и успокоиться. Долгие слезы - не всегда «в плюс». Что они могут – слезы? Пожалеешь себя день, другой, а время – бесценное время – уходит. Поэтому нужно думать, анализировать, изобретать и – радоваться жизни, а плакать... плакать – бесперспективно. Действовать надо.

Один из пациентов, проходящий уже не первый курс лечения, иногда заходит к Марине Евгеньевне не столько за рекомендациями, сколько за дружеским словом. Опытный юрист с потрясающе умными голубыми глазами, видевший людей в различных обстоятельствах – он сам может дать тысячу эффективных советов. Но без искреннего душевного добра самое великое знание меньше золотника.

- Ответственность за то, что она делает, - задумчиво произносит мужчина. - Сопереживание, с которым она подходит к каждому – удивительны. Я ей не знакомый, не друг, не «из своих кругов», и мой сосед по палате – тоже. Но то внимание и вот именно – сострадание – дают нам самое главное: спокойствие души и понимание правильности пути.

Это действительно так: коллеги и даже близкие друзья, вспоминая ситуации, когда приходилось обращаться к Марине Евгеньевне, неизменно говорят о том, что она тактична, сдержанна и в то же время одинаково внимательна ко всем, вне зависимости от степени родства и уровня дружбы. Каждый человек – человек, каждый пациент в ее отделении – ее пациент.

Тринадцать часов двадцать минут. Рутинные бумажные дела отделения вновь набирают обороты, выплескиваются печатными бланками из папок и принтера, ловко подхватываются ухоженными руками с неярким интеллигентным маникюром.

Сколько свободного времени остается у заведующего отделением, также, как и все врачи, дежурящего по графику? Здесь бы отоспаться и немного отдохнуть. Но время и дома бесценно и частью своей принадлежит больнице. Больным она должна нести надежду, а значит, и выглядеть всегда свежей, с иголки. И даже такая деталь как руки – руки врача, ежедневно касающиеся пациентов, - должны быть идеальными, мягкими, красивыми, внушать доброту. Надо готовиться, настраиваться, оставлять все личное дома, приходиться в отделение легкой и светлой, невзирая на все трудности, памятуя, что:

«В грозы, в бури,

В житейскую стынь,

При тяжелых утратах

И когда тебе грустно,

Казаться улыбчивым и простым –

Самое высшее в мире искусство».

Четырнадцать часов сорок минут. Мобильный телефон начинает ритмично напевать; Марина Евгеньевна, не отрывая глаз от монитора, отвечает на звонок. И тут же поворачивается к ежедневнику: разговор с Кировским клинико-диагностическим отделением гематологии важен именно сегодня. Один из пациентов практически готов к операции трансплантации стволовых клеток, осталось согласовать детали. В Перми нет возможности проводить трансплантацию, поэтому пациенты едут в Москву, Санкт-Петербург или Киров. И это двойная ответственность: подготовить пациента, проконтролировать процесс, принять человека после и вновь проконтролировать результаты. Кобальтово-синий корпус ручки спешит по бумажному листу, фиксируя важную информацию.

- Да, да, - кивает Марина Евгеньевна незримой собеседнице. – Все правильно. Только сообщите заранее все, что будет необходимо и согласованные сроки.

Закончив телефонную беседу, заведомо возвращается к экранному тексту, дополняя и расширяя маркированные списки.

Дверь же кабинета меж тем живет своей жизнью, через каждые пять минут впуская нового посетителя: врачей с никогда не кончающимися рабочими вопросами, старшую медсестру, уточняющую график дежурств и рабочие смены, пациентов, забывших на консультации от волнения «еще один вопрос». Марина Евгеньевна выслушивает, расспрашивает, подсказывает, отвечает, поясняет и параллельно заполняет электронные документы.

Но вот дверь замолкла, затихающие шаги растаяли в гулком коридоре. В кабинете воцаряется рабочая тишина. Завотделением погружается в полученные по электронной почте рабочие письма, затем принимается за проверку медицинских карт больных, журнала регистрации переливания трансфузионных сред, температурные листы. Десятки жизней переплетаются в графиках, схемах и назначениях. Здесь нужен подлинный кураж – суметь увидеть в пестреющих колонках цифр и символов точку отсчета сбоя системы, повороты судьбы. Изучить каждый случай серьезно и пристально, не уступая в дедукции асам с Бейкер-стрит. И при этом – сохранить оптимизм и умение быть оптимистом.

Марина Евгеньевна на минуту откладывает результаты исследований, приказы и распоряжения, поднимает взгляд на окно, открывающее заснеженный пейзаж больничного сквера. Зеленые и красно-винные листья комнатных цветов возвышаются над подоконником, заслоняют верхушки сугробов. Кабинет выходит на солнечную сторону, растения легко вбирают свет и наполняются сочными изумрудными и багряными оттенками. Такими же яркими, какими бывают краски там – на берегу Лазурного моря, вспыхивающего каплями жемчужного блеска. Блеска, дарующего людям тепло и радость жизни.

Вступила на путь медицинских расследований

Елена Савельева